

<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/ungarn.html>

ИЗВЕСТИЯ ВЕНГЕРСКИХ МИССИОНЕРОВ

(1235-1320) о татарах и восточной Европе

Предисловие

О существовании Великой Венгрии, обнаруженной братом

Рихардом

Текст

Письмо бр. Юлиана о монгольской войне

Текст

Письмо брата Иоганки Венгра

Текст

ИЗВЕСТИЯ ВЕНГЕРСКИХ МИССИОНЕРОВ XIII — XIV вв.

О ТАТАРАХ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

О первом нашествии татар на половецкую землю и затем на Русь в центральной Европе узнали очень скоро. Древнейшая Хроника Ливонии, написанная в Риге в 1226-1227 гг., кратко, но вполне определенно говорит об этом. Нет никакого сомнения, что и в дипломатических и в торговых сношениях, в письмах и личных сообщениях эта грозная новость уже в течение нескольких месяцев долетела с окраин Руси до ближайших западных соседей, а затем — до имперских центров и до Рима, словом — стала общим достоянием.

Однако, более или менее подробные сведения и о татарах и о странах, ими захваченных, появились в Европе значительно позднее в результате нескольких специальных путешествий, предпринятых в 30-х, 40-х и 50-х гг. XIII в.

Наиболее известны из них по оставшимся подробным описаниям путешествия Плано Карпини и Рубрука (1246 и 1253 гг.), но первыми были не они.

В недавно вышедшей книге Archivum Europae Centro-Orientalis (t. III, fasc. 1 — 3. Budapest, 1937, pp. 1 — 52) L. Venedyfu опубликовал два венгерских памятника XIII в., говорящих о предшественнике Плано Карпини, доминиканском миссионере, брате Юлиане из Венгрии.

Один из этих памятников представляет собою запись рассказа бр. Юлиана о первом его путешествии, сделанную позднее бр. Рихардом. Другой — письмо Юлиана о втором путешествии.

Исследованию этих памятников и истории путешествий Юлиана посвящена большая работа L. Bendefy (Az ismeretlen Julianusz. Az elzomagyar azsiakutato eletrajza es kritikai [72] meltatasa. Budapest, 1936), к сожалению известная нам лишь в авторском извлечении на латинском языке. (Этим извлечением мы в дальнейшем преимущественно и пользуемся в комментировании издаваемых текстов.)

Из записи Рихарда видно, что еще до Юлиана, может быть, в 1231 — 32 гг., венгерские доминиканцы, зная из хроник, что где-то на востоке есть их единоплеменники венгры-язычники, отправили четырех миссионеров их искать. Трое из них погибло в течение трехлетних странствований, но четвертый, брат Отто, вернулся, кое-что разведав. Он побывал, повидимому, где-то в киргизских степях близ Волги, получил некоторые сведения о восточных венграх и, хотя уже на девятый день по возвращении умер, «сломленный многими трудами», но перед смертью успел рассказать о пути в «Великую Венгрию».

По его следам и отправляется новая миссия из четырех человек, включающая и Юлиана.

Время этого путешествия можно определить вполне точно, сопоставив разные хронологические указания в описании его и второго путешествия. (Для этого, впрочем, необходимо заранее принять одно условие, о котором L. Bendefy умалчивает: надо допустить (а это, хоть и весьма удобное, но, кажется, произвольное допущение), что первое и второе путешествия Юлиана следовали почти непосредственно одно за другим.)

В самом заглавии рихардовой записи «открытие» Великой Венгрии отнесено ко времени «господина папы Григория IX», то есть к 1227 — 1241 гг. Затем, в тексте, о Беле IV, короле венгерском, сказано: «с охранной грамотой и на средства Беле, ныне короля Венгрии», из чего можно умозаключить, что путешествие началось до вступления Беле на престол, то есть до сентября 1235 г.

При второй поездке Юлиан нашел город Булгар разоренным татарами (осень 1237 г.), но Суздаль еще нетронутым (разорен весной 1238 г.). Отсюда видно, что второй раз он был в Булгарии и на Руси зимой 1237 — 38 г. Поэтому, 27 декабря, как день возвращения из первого путешествия в Венгрию, может относиться скорее всего к 1236 г. Тогда и день отправления в обратный путь из Великой Венгрии, 21 июня, также относится к 1236 г., а соответственно располагается и ряд предшествующих дат.

Расчет расстояний между отдельными пунктами маршрута Юлиана в первом путешествии и расчет продолжительности [73] стоянок позволяет наметить следующую схему этого путешествия.

Выехав из Венгрии (из какого-то доминиканского монастыря в Пеште, Буде, Альбарегия (Stuhlweissenburg), Стригонии) в первые дни мая 1235 г., Юлиан и три его спутника на лошадях, через Штульвейссенбург, Фюнфкирхен, Белград, Ниш, Софию (Сердика), Филиппополь и Адрианополь, в течение месяца добрались по этой дороге

крестоносцев до Константинополя. Сев там на корабль, они в течение 33 дней (очень долго), явно, вдоль берегов Малой Азии плыли до Тмуторокани (Матрика), где, следовательно, оказались около 2 июля. Пробыв там 50 дней в ожидании попутчиков, около 21 августа они вновь пустились в путь — по линии р. Кубани, а от изгиба реки (примерно, от нынешней Ладовской) повернули на северо-восток к горам Эргени, оттуда пошли в западную (от Волги) часть киргизской пустыни и, пройдя ее в 13 дней, в конце сентября оказались в населенной и возделанной Алании. Там в большом городе (очевидно, Итиль-Торгикан-Астрахань) провели в сильной нужде шесть месяцев (зиму), пытались даже продать в рабство двоих из своего числа, чтобы добыть средства на дальнейший путь, но потом двоих братьев отправили обратно в Венгрию, а оставшиеся двое, Юлиан и Герард, вероятно, не ранее 20 марта 1236 г. пошли дальше к северу, 37 дней голодали в пустыне, имея с собой лишь пятидневный запас хлеба, и едва живые добрались наконец до страны Vela. (По предположению L. Bendefy — на р. У ил, посередине между реками Уралом и Эмбой) Там, в городе Бунда жили подаваемым; 7 мая умер последний спутник Юлиана, Герард, а сам Юлиан, нанявшись слугой, около 20 мая, вместе с хозяином, был уже в Великой Булгарии, где-то близ нынешнего Оренбурга. По указанию встреченной там женщины, он к концу мая или началу июня дошел до р. Этиль (Белая) и до восточных венгров, был ими ласково принят, познакомился с их бытом, видел татар и татарского посла, грозившего походом на Алеманию, и наконец, несмотря на просьбы венгров, решил вернуться. В обратный путь он пустился 21 июня, сначала водой, по рр. Белой и Каме, затем в течение 15 дней вверх по Волге прошел через землю мордванов и около половины августа был в Нижнем Новгороде. Повидимому, в конце августа на лошадях он выехал из [74] Владимира, около 15 сентября был в Рязани, 22 октября — в Чернигове, 5 ноября в Киеве, в половине декабря прибыл в Галич, а 27 декабря перешел Карпаты. (Было бы крайне интересно, если бы русские пункты маршрута Юлиана с той же ясностью показаны были в записи Рихарда, как это сделано L. Bendefy. К сожалению, этого нет: топографическая точность маршрута — результат исследовательской композиции L. Bendefy. В самом памятнике находим гораздо более общие указания.) Около 8 января 1237 г. Юлиан, вероятно, был в Буде для доклада королю, а весной 1237 г. — в Риме, где его доклад папе и был записан бр. Рихардом. Осенью того же года Юлиан начал свое второе путешествие, законченное им, как выше сказано, до весны 1238 года. Сведения, собранные им при этом, составляют содержание другого памятника, письма Юлиана.

Какова историческая ценность этих двух памятников?

Отметим прежде всего, что это — наиболее ранние (Из европейских.) описания восточно-европейской части нашей территории, то есть памятники, которые даже при малой содержательности имели бы серьезный документальный интерес. Между тем они далеко не бесцветны по содержанию.

Если запись Рихарда любопытна главным образом, как очень выразительная, при всей летописной сухости, картинка из истории культуры, содержащая однако характеристику и Сихии и Алании и Великой Венгрии, много ценных географических данных, и важнейшее известие о наступательных планах татар против Европы, то второй документ, письмо Юлиана к епископу Перуджи, обладает большой и непосредственной

ценностью именно в описаниях появления и первых успехов татар, в характеристике их военных и административных приемов и т. д., притом ценностью, почти не умаляемой и позднейшими более подробными описаниями Платона Карпини и Рубрука.

Юлиан действительно, как указывает L. Bendefy, охватил своим путешествием территорию, равную, примерно, Австралии. Назвать его «Колумбом Востока», как делает тот же автор, было бы преувеличением, так как, открыв Великую Венгрию, Юлиан отнюдь не первый «открыл» татар, не говоря уже о восточно-русских землях, достаточно известных на Западе, но то, что он первый рассказал о европейской опасности татар и первый из европейцев писал об окраинах восточной Европы, остается неоспоримым фактом. [75]

Третий опубликованный L. Bendefy памятник относится к началу XIV в. Это — письмо венгра-францисканца, брата Иоганки, к генералу ордена о положении, деятельности и задачах католической миссии «в стране Баскардов» (в Башкирии),

Хотя письмо посвящено преимущественно церковно-миссионерским темам, оно очень интересно некоторыми частностями: отчетливой характеристикой веротерпимости татар, сведениями о численности христиан среди населения Башкирии, о «стране Сибур» и др.

В целом, таким образом, публикацию L. Bendefy нельзя не признать весьма ценной, а это делает понятным решение Института истории Академии Наук СССР издать у нас латинский текст упомянутых памятников с русским переводом.

* * *

Из трех изданных L. Bendefy документов только третий, письмо бр. Иоганки, издается впервые. Запись Рихарда доньше издавалась уже не менее 8 раз (Jos. Inn. Desericus (Desericzky). *De initiis ac maioribus Hungariae commentarii*. Budaë, 1748; Pray. *Annales veteres Hunorum, Avarum et Hungarorum*. 1761; Bel Andras. *Solemnia magistrorum philosophiae et artium creandorum in diem iouis h. e. d. III martii indicit atque ad ea concelebranda invitat ord. phil. decanus Car. Andr. Bel. Lipsiae*, 1763; Fejer Gyorgy. *Codex diplomaticus Hungariae*. IV. 1. 50 — 57; Endlicher. *Rerum Hungaricarum monumenta Arpadiana*. San-Galli, 1849; Theiner A. *Vetera monumenta hist. Hung. T. I. Romae*, 1859; Szabo Karoly. *Magyarorsz. tort. forrasai*. Budapest, 1861; Fejerapataky L. (*Fraknoi osszehasonlitasa*). *A magg. honf. kutfoi*. Budapest, 1900.), в том числе трижды по рукописям.

Письмо Юлиана издано было до L. Bendefy дважды. В оправдание своего издания L. Bendefy указывает на малую доступность подлинников, несогласованность и противоречивость старых изданий, их дефекты в транскрипции имен и др. Его издание действительно ценно в трех отношениях: в нем —

а) выявлены все известные доньше и некоторые новые рукописи,

б) даны превосходные факсимиле их (репродукции со снимков, сделанных в инфракрасных лучах) и в) даны интересные пояснения к содержанию памятников и истории путешествия Юлиана.

Тексты каждой рукописи изданы L. Bendefy отдельно. Предпринимая вновь издание латинского текста (**В русской печати его до сих пор не было.**) тех же памятников, мы даем первый (запись Рихарда) в сводном [76] тексте по трем рукописям, факсимилированным у L. Bendefy. Это, во первых, старейшая рукопись XIII в., хранящаяся в Ватиканском архиве (в замке св. Ангела) под шифром Miscell. Arm. XV, t. I, впервые найденная русским ученым П. Кеппеном (в сносках мы обозначаем ее *K*); во вторых, рукопись того же архива XIV в., под шифром Pal. Lat. 965, обнаруженная Jos. Inn. Desericzky (обозначаем ее *D*); в третьих, рукопись XIV — XV в., хранящаяся во Флоренции в Biblioteca Riccardiana под шифром Riccardianus 228; открыта E. Varady (обозначаем ее *V*). В основу мы полагаем текст последней рукописи, дающий правильное чтение наиболее сомнительных мест.

Письмо Юлиана также даем в сводном тексте из двух ныне наличных рукописей: а) ватиканской, повидимому, XIII в., под шифром Pal. Lat. 443, открытой В. Dudik'ом (обозначаемой нами *Du*), и б) ватиканской же, кажется, несколько более поздней, под шифром Vat. Lat. 4161, обнаруженной W. Fraknoi (обозначаемой нами *F*). В основу полагаем текст *Du*, от которого, вероятно, идет и *F* (сокращенная редакция). Текст издания Норманга, рукописный оригинал которого, в свое время найденный Bohmer'ом, ныне неизвестен, мы не перепечатаваем, но при переводе пользуемся им для вариантов (именуя его *B*).

Третий документ, письмо бр. Иоганки, известен лишь в одной рукописи библиотеки Кембриджской Академии, под шифром D. li. 3. 7, каковой мы (в факсимиле) и пользуемся. (**Все рукописи, кроме последней, прекрасного письма, отличной сохранности и читаются очень легко. Это все пергаменные рукописи (codicea membranacei), судя по факсимиле, хотя у L. Bendefy почему-то обозначены, как chartacei.**)

Латинские тексты у нас отличаются от издания L. Bendefy не только тем, что это (в двух случаях) тексты сводные, но и тем, что идут они не от упомянутого издания (**Не безошибочного в транскрипции подлинника.**), а непосредственно от подлинника (факсимиле), причем наши разночтения с L. Bendefy везде отмечены в сносках.

Русский перевод письма Юлиана и письма Иоганки издается впервые, но запись Рихарда имеет хороший старый перевод В. Юргевича в «Записках Одесского общества истории и древностей» (т. V, Одесса, 1863, стр. 998 — 1002), правда, основанный только на издании А. Тейнера.

Текст воспроизведен по изданию: Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и восточной Европе // Исторический архив, Том III. М.-Л. 1940

© текст - Аннинского С. А. 1940

© сетевая версия - Thietmar. 2008
© OCR - Bewerr. 2008
© дизайн - Войтехович А. 2001
© Исторический архив. 1940

I

О СУЩЕСТВОВАНИИ ВЕЛИКОЙ ВЕНГРИИ, ОБНАРУЖЕННОМ БРАТОМ РИХАРДОМ

(В рукописи *D* ошибочно добавлено «ордена братьев проповедников»)

ВО ВРЕМЯ ГОСПОДИНА ПАПЫ ГРИГОРИЯ ДЕВЯТОГО

Найдено было в истории венгров христиан, что есть будто бы другая Венгрия, старейшая (Maior), из которой вышло когда-то семь вождей со своими народами искать себе место для жительства, потому что земля их не могла вместить многочисленности жителей. После того как они прошли и разрушили много царств, пришли они наконец в страну, которая ныне называется Венгрией, а тогда называлась пастбищами римлян. Ее они предпочли всем прочим странам и избрали себе для жительства, а народы, тогда жившие там, подчинили себе. Там наконец они были обращены в католическую веру первым их королем, святым Стефаном (Королем был в 1000 — 1038 гг.), тогда как прежние венгры, от которых эти произошли, оставались в неверии, как и донныне остаются язычниками.

Так вот, братья проповедники, найдя об этом в истории венгров, пожалели, что венгры» от которых, как они знали, сами они произошли, все еще остаются в заблуждении неверия, и послали четверых из братьев искать их повсюду, где, с помощью господ, сумеют их найти. Ибо по писаниям древних они знали, что те находятся на востоке, но, где находятся, вовсе не знали.

Вышесказанные братья, что были посланы, подвергаясь многим трудам, три с лишним года искали их по морю и по суше, но вследствие многих опасностей пути найти не могли. За исключением одного из них, священника по имени Отто, который только под именем купца прошел дальше; в некоем языческом царстве он нашел кое-кого, [говоривших] на том языке, и узнал от них, в какой стороне те живут, но в область их не входил, а наоборот вернулся в Венгрию, чтобы взять большее число братьев и они, возвратившись с ним, проповедали бы тем веру католическую. Однако, сломленный многими трудами, восемь дней спустя по своем возвращении, он ушел [78] ко Христу, после того как объяснил всю дорогу для розыска их.

Братья же проповедники, стремясь к обращению неверных, вновь послали четырех братьев искать вышесказанное племя. Те, получив благословение братьев своих, сменив монашеское платье на мирское, отпустив бороды и волосы по примеру язычников, [отправились] через Булгарию Ассана и Романию (Булгария Ассана — в отлично от

Великой Булгарии на Волге. Под именем Ассана разумеется Иоанн Асень II, могущественнейший государь этой династии, царствовавший в 1218 — 1241 гг. и носивший титул «царя всех болгар и греков». Романия — долина р. Марицы, и поныне именуемая у турок Румили; в XIII в. принадлежала к Византийской империи.) с охранной грамотой и на счет господина Белы, ныне короля Венгрии, и добрались до Константинополя. Выйдя там на море, они через 33 дня прибыли в страну, что зовется Сихия, в город, что именуется Матрика (Народ *Zich* или (у Юлиана) *Sich* — черкесы, адыгэ, некогда занимали западные склоны Кавказа, но им же принадлежала и равнина р. Кубани и большая часть Кабардии. Матрика-Тмуторокань, средневековый город на месте нынешней Тамани, в древности богатая греческая колония, с X — XI в. в обладании черкесов. У Рубрука *Matrica* и *Matriga*, у Константина Порфирогенета *To Tamataarcha*. Имя производят от хазарского наместника города — из двух слов *TamanTarchan* (первое — титул, второе — соб. имя.), где вождь и народ называют себя христианами, имея греческое писание и греческих священников. Государь там, говорят, имеет сто жен. Все мужчины наголо бреют головы и тщательно растят бороды, кроме знатных людей, которые, в знак знатности, оставляют над левым ухом немного волос, выбривая всю остальную голову.

Там они сделали остановку на 50 дней в надежде на ожидаемых попутчиков. Бог же даровал им милость пред лицом госпожи, которая была главной над ста женами короля, так что она отнеслась к ним с удивительной лаской и заботилась обо всем, для них необходимом. Отправившись оттуда дальше, по совету и с помощью вышесказанной госпожи, они в течение 13 дней прошли через пустыню, где не нашли ни людей, ни домов. Тут пришли они в страну, что называется Аланией (В то время границами Алании (у Каспийского моря) были рр. Терек, Кума и Яик. Арабы называли аланов *ossi*, русские — яссы, соседи на Кавказе — *ossi* и *osset*.), где живут вместе христиане и язычники. Сколько [там] селений, [79] столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села. Во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут на поле, вместе также и жнут, и так делают по всему пространству той земли; и если есть у них какая-либо надобность вне селения, добыча ли леса или другая работа, то они равным образом идут все и при оружии. И всю неделю не могут они никоим образом в малом числе выйти из своих селений зачем бы то ни было без личной опасности, за исключением единственно воскресного дня с утра до вечера; этот день так у них чтится, что тогда всякий, сколько бы зла он ни сделал и сколько бы противников ни имел, в безопасности может, невооруженный или в оружии ходить даже среди тех, у кого родителей убил или кому причинил иной вред. Те, кто там считаются христианами, соблюдают [обыкновение] не пить и не есть из сосуда, в котором случайно издохла мышь или ела собака, прежде чем их священник не благословит сосуд, а кто поступает иначе, отчуждается от христианства.

И если кто из них по какому-либо случаю убивает человека, то за это не получает ни кары, ни благословения; у них человекоубийство не считается ни за что. Кресту оказывают такое почтение, что бедные люди, местные или пришлые, кто не может иметь многочисленных спутников при себе, во всякое время безопасно ходят и среди христиан

и среди язычников, если водрузят на копье со знаменем хоть какой-нибудь крест и будут нести, подняв кверху.

В том месте братья не нашли попутчиков, чтобы идти дальше, из-за боязни татар, которые по слухам были близко. Вследствие того двое из них воротились назад, но остальные двое, упорно оставаясь в той стране, жили там в величайшей нужде шесть месяцев, не имея в это время ни хлеба, ни питья, кроме воды. Один брат, священник, делал ложки и кое-что другое, за что иногда они получали немного проса и этим только могли поддержать себя в крайней скудости. Поэтому решили они продать двоих из своего числа, чтобы на полученную плату другие могли завершить начатое путешествие, но они не нашли покупателей, так как не умели ни пахать, ни молотить. Поэтому в силу необходимости двое из них воротились из тех краев в Венгрию, но другие остались там, не желая отказаться от начатого путешествия. [80]

Наконец эти, имея попутчиками каких-то язычников, снова пустились в путь и непрерывно шли по безлюдной пустыне 37 дней, в течение которых питались 22 хлебцами, испеченными в золе, такими маленькими, что могли бы все их съесть в пять дней и то бы не насытились. Поэтому брат, который был здоров, но обессилен, с большим трудом и страданиями, но все-таки самостоятельно выбрался из пустыни. Больной же брат, больше жалея здорового, чем себя, часто просил оставить его в пустыне, как мертвого и как бесполезную обузу, чтобы, занимаясь им, не пренебречь делом божьим. Тот никак не согласился на это, но вплоть до смерти страдал в пути с ним вместе.

Язычники, спутники их, думавшие, что у них есть деньги, чуть не убили их, доискиваясь.

Пройдя пустыню без всякой дороги и тропы, на 37 день пришли они в страну сарацинов, что зовется Вела, в город Бунда (См. выше стр. 73.). Там они никак ни у кого не могли получить пристанище, а пришлось остаться в поле на дожде и холоде. Сказанный («Сказанный» — *dictus*. Во всех рукописях, однако, не *dictus*, а считаемое ошибочным *diebus*, что значило бы: «днями», «днем».) брат, который был здоров, просил милостыню по городу для себя и для больного брата, и питьем и иным, что мог найти, особенно у государя города, который, узнав, что он христианин, охотно подавал ему милостыню, так как и государь и народ той области открыто говорят, что вскоре им предстоит сделаться христианами и подчиниться римской церкви.

Оттуда они дошли до другого города, где вышесказанный больной брат, священник по имени Герард, почил во госпде в доме сарацина, принявшего их ради бога, и был там же погребен.

После того брат Юлиан, оставшись один и не зная, как ему идти дальше, сделался слугой одного сарацинского священника с женою, который собирался в Великую Булгарию (Великая Булгария в большей своей части лежала к востоку от изгиба Волги, между рр. Волгой, Камой, Белой и Яиком, частью же выдавалась к западу, вверх по Волге.). Туда они вместе и добрались.

Великая Булгария — великое и могущественное царство с богатыми городами, но все там — язычники. В том царстве говорят в народе, что вскоре они должны стать христианами и [81] подчиниться римской церкви, но дня, как говорят, они не знают, а слышали так от своих мудрецов.

В одном большом городе той же области, из которого выходит, по слухам, пятьдесят тысяч бойцов, брат нашел одну венгерскую женщину, которая выдана была замуж в те края из страны, какую он искал.

Она указала брату пути, по которым ему надо идти, утверждая, что через две дневки он, без сомнения, может найти тех венгров, которых ищет. Так и случилось. Ибо нашел он их близ большой реки Этиль (*Река Этель обычно — Волга, но тут р. Белая, которую башкиры еще в XIX в. звали Ак-Идель. Две дневки — два дневных перехода верхом.*). Те, увидев его и узнав, что он венгр, не мало радовались его прибытию: водили его кругом по домам и селениями старательно спрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан. И все, что только он хотел изложить им, и о вере и о прочем, они весьма внимательно слушали, так как язык у них совершенно венгерский: и они его понимали и он их. Они — язычники, не имеют никакого понятия о боге, но не почитают и идолов, а живут, как звери. Земли не возделывают! едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданиям древних они знают, что те венгры произошли от них, но не знали, где они. Татарский народ живет по соседству с ними. Но те же татары, столкнувшись с ними, не могли победить их на войне, наоборот в первой битве были побеждены ими. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники, и таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств.

В этой стране венгров сказанный брат нашел татар и посла татарского вождя, который знал венгерский, русский, куманский, тевтонский, сарацинский и татарский [языки] и сказал, что татарское войско, находившееся тогда там же по соседству, в пяти дневках оттуда, хочет идти против Алемании, но дожидались они другого, которое послали для разгрома персов. Он же сказал, что за страной татар есть народ чрезвычайно многочисленный, выше и больше всех людей, с такими большими головами, что они как будто вовсе не подходят к своим телам. И будто бы тот народ предполагает выйти из своей страны, [82] чтобы сразиться со всеми теми, кто захочет им противостать, и чтобы опустошить все царства, какие будут в силах покорить.

Узнав обо все том, брат, хотя венгры и приглашали его остаться, отказался по двум основаниям. Во первых, потому, что если языческие царства и русская земля, находящиеся посредине между венграми-христианами и теми, услышат, что тех призывают к вере католической, то будут недовольны и станут следить за всеми дорогами из страха, что, если те и эти как-либо объединятся в христианстве, то покорят все между ними лежащие царства. Другим основанием была мысль, что, если ему случится вскоре умереть или заболеть, то труд его окажется напрасным, так как и сам он не достиг там успеха, и братья в Венгрии не смогут узнать, где находится тот народ.

Итак, когда он пожелал вернуться, те венгры указали ему иную дорогу, по которой он бы мог быстрее добраться. Начал же брат обратный путь за три дня до праздника св. Иоанна Крестителя (20 июня 1236 г.), по дороге отдыхал немного дней и, [путешествуя] то по воде, то по суше, на второй день после рождества господня вступил в ворота Венгрии, а по Руси и Польше ехал верхом. Возвращаясь из вышесказанной Венгрии, он в 15 дней прошел по реке царство мордванов (Царство мордванов — к западу от Великой Булгарии, с севера было ограничено Волгой, с запада Окой и княжеством Рязанским.); это — язычники и настолько жестокие люди, что у них тот человек, кто не убил многих людей, ни за что не считается; и когда кто-либо идет по дороге, то перед ним несут головы всех убитых им людей, и чем больше голов перед кем несут, тем выше он ценится. А из голов человеческих они делают чаши и особенно охотно пьют из них. Тому, кто не убил человека, не позволяют жениться.

Узнав от своих пророков, что им предстоит стать христианами, они послали к князю великой Ландемерии (Правильнее Лаудамерия. Это — гор. Владимир.) (это соседняя с ними русская страна), чтобы он послал к ним священников окрестить их. Тот ответил: «Не мне надлежит это делать, а папе римскому. Ведь близко время, когда все мы должны принять веру римской церкви и подчиниться ее власти».

II.

ПИСЬМО БР. ЮЛИАНА О МОНГОЛЬСКОЙ ВОЙНЕ

Достопочтенному во Христе отцу, божьей милостью епископу Перуджи, легату апостольского престола, брат Юлиан ордена проповедников в Венгрии, слуга вашего святейшества, шлет столь же должное, как и преданное почтение.

Когда, в силу вмененного мне послушания, я должен был идти в Великую Венгрию с братьями, данными мне в спутники, и мы, желая выполнить порученное нам путешествие, дошли до крайних пределов Руси, мы узнали (Это место в *V* читается иначе я правильное: «мы узнали истинность нижеписанного. О, горестное зрелище, внушающее ужас всякому! Венгры-язычники ...») Из текста *Di* опускаем явно ошибочное *Tartari (quod omnes T.)* действительную правду о том, что все те, что называются венгры-язычники, и болгары и множество царств совершенно разгромлено татарами.

А что такое татары и какой они веры, об этом, насколько сумеем, расскажем в настоящем письме.

Сообщалось мне некоторыми, что татары прежде населяли страну, населяемую ныне куманами, и называются по правде сынами Измаила (отсюда — измаэлиты), а ныне желают называться татарами.

Страна же, откуда они первоначально вышли, зовется Готта, и Рубен звал ее Готтой (В других рукописях Готиа (*B*) и Гота (*F*). *L. Bedefu* поясняет *Gothia: scilicet Kathai.*)

Первая татарская война началась так. Был государь (*BF* *вождь (князь)*.) в стране Готга, по имени Гургута (*Так BF, в Ди Гургатам. Это, очевидно, Чингиз, но самое имя, вероятно, есть испорченное Угедей, Оккодай.*), у которого была сестра — дева, по смерти родителей стоявшая во главе своей семьи и, как говорят, державшая себя по-мужски. Она нападала на некоего соседнего с ней вождя и отнимала у него его имущество. Когда же по истечении некоторого времени (*«Некоторого времени» в BF; Ди ошибочно: «нескольких дней».*) она вновь с татарским народом попыталась напасть, как прежде, на вышесказанного вождя, тот, поостерегшись и начав войну с вышесказанной девушкой, одолел в бою и эту прежнюю свою противницу взял в плен, войско ее обратил в бегство, а ее, уже пленницу, изнасиловал, в знак еще более тяжкой мести, лишив девственности, [84] постыдно обезглавил. Услышав об этом, брат помянутой девушки, вышесказанный вождь Гургута, отправив посла к вышереченному мужу, дал, говорят, ему такое поручение: «Я узнал, что ты, взяв в плен и лишив девственности сестру мою, обезглавил. Знай, что ты совершил дело, враждебное мне. Если, быть может, сестра моя причиняла тебе беспокойство, то ты, направляя свою месть на движимое имущество, мог обратиться ко мне, ища против нее справедливого суда, либо, если ты, желая отомстить за себя собственными руками, победив ее, захватил в плен и лишил девственности, то мог взять ее в жены; а если у тебя было намерение убить ее, то никак ты не должен был лишать ее девственности. А теперь ты отомстил вдвойне: и девственную стыдливость опозорил, и жалким образом осудил ее на смертную казнь. Вследствие того, в отмщение убийства вышереченной девушки, знай, что, я пойду на тебя всеми силами».

Услышав это и видя, что противостоять он не может, вождь, виновник убийства, бежал со своими к султану Орнах (*У Плано Карпини Ornas (Ornas, Orna); в наших летописях Орнаць, Ворнац, Арнаць (ПСРЛ. IV, 57; V, 125; VII, 210 и др.). По объяснению, L. Bendefy — город Тана.*), покинув собственную землю.

После того как это произошло, был некий вождь в стране куманов, по имени Витут (*Так Ди; B — Витоф; F — Врокк.*), богатства которого были, по слухам, столь замечательны, что даже скот [у него] на полях пил из золотых канав.

Другой вождь с реки Буз (*Так ДиF, а не Бук и Букс, как ошибочно читает L. Bendefy. О правильности или неправильности Buchs в B, за отсутствием рукописи, ничего нельзя сказать. L. Bendefy понимает под этим именем р. Буг.*), по имени Гурег (*Так Ди; B — Урех; F — Гавез (но не Гавекс, как у L. Bendefy).*), из-за его богатства напал на него и победил. Победенный с двумя сыновьями своими и кое с кем еще, с немногими, кто уцелел от военной опасности, бежал к сказанному султану Орнах. Султан же, вспомнив об обиде, которую тот, будучи соседом, случайно нанес ему некогда, приняв его, повесил на воротах, а народ его подчинил своей власти. Двое сыновей Витута тотчас обратились в бегство (*Следуя BF, опускаем ошибочную вставку «ad Euthet», а самое имя читаем далее Гурег.*) и, так как у них не было иного убежища, вернулись [85] к вышереченному Гурегу, который ранее ограбил их отца и их самих. Тот в звериной ярости убил старшего, разорвав конями (*Следуя BF, вместо cupiens, читаем rapiens, а вместо interficere — interfecit.*). Младший же бежал, прибыл к вышеупомянутому вождю татарскому Гургуте и усердно стал просить его отомстить

Гурегу, который ограбил его отца и убил брата, говоря, что честь добудет себе этот вождь (Вместо *ista duo*, читаем *isti duci* (*B*)), то есть Гургута, а сам он — воздаяние и отмщение за смерть брата и ограбление отца. Это и было сделано, и по одержании победы, вышеназванный юноша вновь просил вождя Гургуту отомстить султану Орнах за жалкую смерть отца, говоря, что и оставшийся по отце его народ, который там держали как бы в рабстве, будет помощью ему при наступлении его войска.

Тот, упоенный двойной победой, охотно согласился на просьбу юноши и, выступив против султана, одержал славную для себя и почетную победу.

Итак, имея почти повсюду достойные хвалы победы, вышесказанный вождь татарский Гургута со всей военной силой выступил против персов из-за каких-то распрей, бывших прежде у него с ними. Там он одержал почетнейшую победу и совершенно подчинил себе царство персидское.

Став после этого более дерзким и считая себя сильнее всех на земле, он стал выступать (*Cepit facere* (стал делать) дополняем (по *F*) словом *progreesum* (наступление, выступление).) против царств, намереваясь подчинить себе весь мир. Поэтому, подступив к стране куманов, он одолел самих куманов и подчинил себе их страну. Оттуда они воротились в Великую Венгрию, из которой происходят наши венгры, и напали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими, как нам сообщали словесно сами язычники-венгры. Завладев ими, и обратившись к западу, [татары] в течение одного года или немного большего [срока] завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти пятьдесят тысяч вооруженных воинов. Кроме того они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство морданов. Там было два князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с [86] немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил (*B* дает иной перечень завоеванных мест: «(завладели) Фасхией, Меровией, завоевали царство Булгар, имевшее сорок весьма укрепленных замков... Напали на Ведин, где было два князя...»)

L. Bendefy считает *Faschiam* — *Basciriam* или *Bascardiam*, отвергая мнение *Gombocz'a*, что это *Saksyn*. Между тем и *Faschia* (*B*) и *Sascia* (*Du*) по форме очень напоминают именно Саксин.

Фулгария, несомненно, Булгария. Меровия — к северу от Волги, между рр. Ветлугой и Унжей. Ведин — севернее Меровии до р. Сухоны.).

Ныне же, находясь на границах Руси, мы близко узнали действительную правду о том, что все войско, идущее в страны запада, разделено на четыре части. Одна часть у реки Этиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалию. Другая же часть в южном направлении уже напала (*B Du* перед *exrignavit* (напала) вставка: *quem nunquam* (на которое никогда не). Устраняем ее, как ошибочную.) на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж (*Ovcheruch*) (*B* — *Orgenhusin*. *L. Bendefy* считает, что это Воронеж.), также

княжества русских. Они, как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских.

Поймите все это таким образом, что тот первый вождь, по имени Гургута, который начал эту войну, умер. Ныне же вместо него царствует сын его Хан (Чауп) (Юлиан принял титул за собств. имя. Разумеется тут, вероятно, Угедей.) и живет в большом городе Орнах, где отец его воцарился первоначально. Живет же он таким образом: дворец у него такой большой, что тысяча всадников въезжает в одни двери и, преклонившись перед ним (ханом), не сходя с коней, всадники выезжают [в другие].

Вышеназванный вождь устроил себе громадное ложе, возвышающееся на золотых колоннах, ложе, говорю я, золотое с драгоценными покрывами, на котором восседает он в славе прославляемый, облеченный в драгоценные (Вместо *gloriosissimis* (славнейшие), читаем (*F*) *preciosis* (драгоценные).) одеяния. Двери же в этом дворце целиком золотые, и через них преклоняясь проходят спокойно и безопасно его всадники. Чужие же послы, пешими ли они проходят двери или верхом, если коснутся [87] ногами порога двери, тут же поражаются мечом; всякому чужому надлежит проходить с наивысшим почтением.

Восседая в такой пышности, он послал войска по разным странам, то есть за море, как мы думаем; и вы также слышали, что он там совершил. Другое же многочисленное войско послал он к морю на всех куманов, которые и бежали в венгерские края. Третье войско, как я сказал, осаждает всю Русь.

Сообщу вам о войне по правде следующее. Говорят, что стреляют они дальше, чем умеют другие народы. При первом столкновении на войне стрелы у них, как говорят, не летят, а как бы ливнем льются. Мечами и копьями они, по слухам, бьются менее искусно. Строй свой они строят таким образом, что во главе десяти человек стоит один татарин, а над сотней человек один сотник. Это сделано с таким хитрым расчетом, чтобы приходящие разведчики никак не могли укрыться среди них, а если на войне случится как-либо выбыть кому-нибудь из них, чтобы можно было заменить его без промедления, и люди, собранные из разных языков и народов, не могли совершить никакой измены (*Di*: «народ, собранный с разных сторон, не мог совершить никакой измены, который собран из разных языков и наций» (sic!). Конец фразы, повидимому, звучал иначе. Ср: *B* — особая фраза: «Они собрали из разных языков каждого десятого»; *F* « (чтобы не могли...) они собрали из разных народов и языков каждого десятого». Эта фраза вызывает некоторое сомнение только в сопоставлении с ниже сказанной: «О численности всего их войска...», где Юлиан как будто не знает о выше данной цифре и выражается совсем неопределенно.). Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кого погнали в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли, назначая каждому по двенадцати (*B* «по десяти».) или больше, и обязывают тех

людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умерщвляются татарами. Потому, сражаясь, они предпочитают умереть в бою, чем под [88] мечами татар, и сражаются храбрее, чтобы дольше не жить а умереть скорее.

На укрепленные замки они не нападают, а сначала опустошают страну и грабят народ и, собрав народ той страны, гонят на битву осаждать его же замок.

О численности всего их войска не пишут вам ничего, кроме того, что изо всех завоеванных ими царств они гонят в бой перед собой воинов, годных к битве.

Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы притти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение итти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он [хан] (В этом случае — Батый.) отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными.

Вышесказанное письмо, данное мне князем суздальским, я привез королю венгерскому. Письмо же писано языческими буквами на татарском языке. Поэтому король нашел многих, кто мог прочесть его, но понимающих не нашел никого. Мы же, проезжая через Куманию (*Du — Carmaniam — ошибка; читаем Cumaniam (BF). Слов civitatem magnam нет в B, где, вместо paganam (civitatem), paganum (quendam). Так и переводим.*), нашли некоего язычника, который нам его перевел. Этот перевод таков: «Я Хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, король (*B regule, то есть «королек», с пренебрежением.*) венгерский: хотя я в тридцатый раз отправил к тебе послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь ко мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь. Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобой воинов, и один ты правишь великим королевством. Оттого-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты мне покорился добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против [89] тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки моей?» (*B, вместо дальнейшего, имеет следующее окончание: «Да будет ведомо всем верным Христу, что это письмо король Венгрии направил патриарху аквилейскому, а патриарх переслал епископу Бреши и графу тирольскому, чтобы они разослали всем верным Христу с просьбой ревностно молить бога за церковь. Кроме того, мы хотим, чтобы все, к кому дойдет настоящее письмо, знали, что податель настоящего честен и правдив». F опускает дальше все до слов: «пусть ваше святейшество».*)

Не умолчу и о следующем. Пока я вновь находился при римском дворе, [на пути] в Великую Венгрию меня опередили четверо братьев моих. Когда они проходили через землю суздальскую, им на границах этого царства встретились некие бежавшие пред лицом татар венгры-язычники, которые охотно приняли бы веру католическую, лишь бы добраться до христианской Венгрии. Услышав об этом, вышесказанный князь суздальский вознегодовал и, отозвав вышеуказанных братьев, запретил им проповедывать римский закон помянутым венграм, а вследствие того изгнал вышесказанных братьев из своей земли, однако без неприятностей. Те, не желая воротиться обратно и с легкостью отказаться от сделанного уже пути, повернули к городу Рецессуэ (?), ища пути, чтобы пройти в Великую Венгрию, либо к мордуканам, либо к самим татарам. Оставив там двоих братьев из своего числа и наняв переводчиков, они в день апостолов Петра и Павла, недавно прошедший (?) (**Очень неясно. Может быть: «вскоре по прошествии дня...»**), пришли ко второму князю мордуканов, который, выступив в тот же день, когда они пришли, со всем народом и семьей, как мы выше говорили, подчинился татарам. В дальнейшем что случилось с этими двумя братьями: умерли ли они или были отведены к татарам сказанным князем, совершенно неизвестно.

Двое остальных братьев, удивляясь промедлению тех, в день [св.] Михаила недавно отпразднованный (?) (**Неясно; Может быть: «вскоре по отпраздновании...»**), послали некоего переводчика, желая удостовериться о их жизни, но мордуканы напав убили его.

Мы же с товарищами, видя, что страна занята татарами, что области укреплены (?) и успеха делу не предвидится, [90] возвратились в Венгрию. И хотя шли мы среди многих войск и разбойников, но ради молитв и заслуг святой церкви благополучно и невредимыми добрались до братьев наших и обители.

Впрочем же, когда надвигается такой бич божий и приближается к сынам церкви, невесты христовой, пусть ваше святейшество в своей дальновидности соблаговолит заботливо предусмотреть, что надлежит делать братьям и как поступать.

Кроме того, чтобы ни о чем тут не умолчать, сообщаю вам, отец, что один русский клирик, выписавший нам кое-что историческое из книги Судей, говорит, что татары — это мадианиты, которые, точно так же напавши на Кетим, на сынов Израиля, были побеждены Гедеоном, как читается в книге Судей. Бежав оттуда, сказанные мадианиты поселились близ некой реки, по имени Тартар (Thartar), почему и названы татарами (**F далее заканчивает так:**

«Татары утверждают также, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причем не найдется мощи на земле, какая была бы в силах противостоять одной их части. Далее говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших [воинов] их закона в строю. Далее говорят, что женщины их воинственны, как и они сами: пускают стрелы, ездят на конях и верхом, как мужчины; они будто бы даже отважнее мужчин в боевой схватке, так как иной раз, когда мужчины обращаются вспять, женщины ни за что не бегут, а идут на крайнюю опасность. Конец письма о жизни, вере и происхождении татар».)

III

ПИСЬМО БРАТА ИОГАНКИ ВЕНГРА, ОРДЕНА МИНОРИТОВ, К ГЕНЕРАЛУ ОРДЕНА, БР. МИХАИЛУ ИЗ ЧЕЗЕНЫ

Во Христе чтимому отцу, брату Михаилу ордена миноритов, брат Иоганка венгр и прочие братья минориты, ради бога паломничающие в ревности о чести и душах в пространнейшей северной империи татар, [шлют] смиренное почтение с усердными молитвами в госпде Иисусе Христе.

Да ведает ваше благочестие, отец наш, что те, кто желают трудиться во имя Христа, следуя за кочевьями татар, величайший получают урожай душ, так что, крестя и укрепляя в вере, проповедуя и наставляя, исповедуя и поддерживая, мы почти постоянно заняты, чаще всего и обычно вплоть до глубокой ночи, потому что в некоторых областях люд христианский настолько умножается, что, по нашему мнению, язычников остается лишь немногим больше половины. Ведь татары военной [91] мощью подчинили себе разные племена из народов христианских, но позволяют им попрежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь или мало заботясь о том, кто какой веры держится — с тем, чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они [подданные] делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону. Они даже сохраняют такую свободу христианам, что многие, женись и держа большую семью, становятся иногда богаче своих господ, причем господа те не решаются коснуться имущества рабов и даже зовут их товарищами, а не рабами; но когда господа идут в бой, те вооружившись следуют за ними, честно служа против сарацинов, сражаясь с ними и соблюдая верность договору.

Сарацины (**Местное мусульманское население.**) же, рыскающие поблизости, нападают на них и стремятся совратить новообращенных из татар и других, а иногда и отвращают от веры людей, которых некому научить христианскому закону.

Сарацины, у которых свой Магометов закон, имеют некую секту, считаемую религиозной, братьев которой зовут фалькариями [факирами]: они носят обнаженные мечи, чтобы тотчас истребить тех, кто говорит против веры. Они однако терпимо позволяют христианам проповедовать наш закон, Христа, Марию и святых, с тем чтобы не презирали Магомета. В своем законе они многое заимствуют из евангелия Луки и Марию считают девой, а Христа, ею зачатого, божьим духом. Но богом Христа не признают, однако чтят его семь раз на день, непосредственно после Магомета при звуке большой трубы на некоей башне или колокольне и называют его величайшим из пророков после Магомета; по седьмым дням [?] согласно закону оставляют работу, предаваясь молитвам и поклонению; христиане в городах Апулии и Испании, среди которых они живут, постоянно видят, что они это соблюдают.

Братья же наши, которые близ них живут в Татарии в монастырях или обителях, пожинают обильную жатву, проповедуя, совершая для обращенных и прочих церковные таинства, и на милостыню, им подаваемую, выкупают множество бедных пленников.

Но гораздо большая жатва ждет тех, кто пожелает следовать за их кочевьями: этому учит верный опыт и труд. Поэтому, так [92] как братья, живущие в городах, не могут покинуть своих мест без утраты множества душ, следовало бы вашей мудрости, отец наш, позаботиться как можно скорее для татарских областей и разных их войск, собранных из разных и многих стран, направить сюда подходящих братьев, вдохновленных на это, преимущественно из англичан, венгров и немцев, которые легче могут выучиться языку, зная, что если они пожалеют таким образом о душах неверных, искупленных кровью христовой, и придут к нам на помощь, то приобретут богу много тысяч душ. Если же кого отпугнет скудость и бедность питания, пусть омочат губы в уксусе и желчи, вкушенных Христом на кресте; если кого испугает труд, пусть вспомнят об усталости и трудах Христа, и так все станет легким для них, ибо иго его приятно и бремя легко.

Сообщу кое-что верное, что подействует на всех. Когда я, брат Иоганка, с двумя братьями-венграми и одним англичанином дошли до Баскардии (По объяснению L. Vendefy, в этом случае под именем Баскардии надо разуметь не пройденную Юлианом область, прилегающую к р. Этиль, где жили венгерские племена, а территорию более восточную, вплоть до Урала.), большого народа, подчиненного татарам, двое братьев-венгров по делам веры отошли от нас, а я со сказанным англичанином, по имени Вильгельмом, оставался там 6 лет непрерывно. И были там татары, судьи баскардов, которые, не будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли [ее]. Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением. Когда мы проповедовали им, они сказали: «Если бы вы сначала пришли, то мы во всяком случае приняли бы эту веру, но государям постыдно, принявши один закон, с легкостью отступать от него и переходить к другому». Когда же мы участвовали в поучениях о вере и доказали сарацинским ученым всеми доступными нам способами, и писанием, и знаменами, и доводами, и примерами, что весь их закон ложный и языческий, не основанный ни на каком разумном основании и на очевидных чудесах, как закон христианский (в котором, как я вскоре сообщу, явились в тех краях славные чудеса), и когда мы обнаружили, что их закон — закон дьявола, коварно смешавшего там добро со злом, чтобы устранить подозрения и таким образом ввести простодушных в еще больший обман, они, придя [93] в ярость, пытались нас умертвить. Нас схватили и с жестокостью заключили в тюрьму, заковав в железо, и мы, мучаясь голодом в тюремной грязи среди ужасных червей и смертоносной вони, с радостью ждали смерти, но они, боясь татар, не смели на это решиться. Ибо татары любят христиан, а их ненавидят и преследуют.

Когда мы еще были в Баскардии, пришел некий посол из страны Сибирь (Sibur) (Это не Сибирь в нашем понимании, а область в районе Тюмени, с главным городом Sibur или Sybur.), которая окружена Северным морем. Страна эта обильна съестным, но зима там жесточайшая до такой степени, что из-за чрезвычайного количества снега зимой почти никакие животные не могут ходить там, кроме собак той страны: четыре большие собаки тащат сани, в которых может сидеть один человек с необходимой едой и одеждой.

Тот народ стягивает с головы мертвого человека кожу с волосами и почитает ее своим богом, а кожу, содранную с лица, они держат в домах своих и чтят, как домашнего бога. Они однако говорят, что христианский бог сильнее всех других богов: когда их иной раз вынуждает какая-то необходимость, они призывают христианского бога и часто получают просимое. Так, когда однажды [шедшее] на них войско должно было перейти очень большой лед, они в страхе стали призывать христианского бога с громким ревом и криком и принесли ему жертвы; вскоре, по милости божьей, в то время как прочие части родной страны оставались замерзшими, та, через которую переходило войско, вскоре вся растаяла, и многие погибли, как войско фараона в Красном море, другие же с пустыми руками и без успеха вернулась во-свояси. Далее, когда однажды начался у них мор, их прорицатели сказали: «Все вы погибнете смертью, если не станете христианами». Услышав это, многие из них крестились у некоего русского клирика-схизматика. Ведь царство русское откололось от римской церкви, как царство греческое, преимущественно из-за утверждения об исхождении св. духа не от сына, чего они не желают признать. И крестят они иначе, чем мы, говоря: «Да будет крещен раб христов и проч.», как судья, произносящий приговор (?). Так как однако сказанный русский и не умел и не решался должным образом наставить их, они, и крещенные, как некрещенные, остались [94] в прежнем заблуждении. Из этого достаточно ясно, что тот народ быстро обратился бы, если бы было кому научить их вере христовой. Это и сами они признают. Это явствует и еще кое из чего, чем не следует пренебрегать. Ибо вышесказанный посол, прибывший из Сибири, принес послание от некоего татарского судьи у вышесказанного народа к нашему христианскому судье баскардов в таких именно словах: «Слышал я, что при тебе, брат мой, есть 4 христианских латинских священника. Я прошу, чтобы ты соблаговолил послать к нам двоих из них: они могли бы и должны были бы окрестить наш народ; и если они пожелают жить в городах, мы построим для них церкви и дома в любом месте Сибири, где они пожелают; если же пожелают следовать за нашими кочевьями, то мы будем служить им во всем необходимом; если же они не пожелают остаться с нами, мы на своих головах донесем их к вам, лишь бы они окрестили нас и научили своей вере. Если же они не пожелают прийти к нам, то пусть бог спросит с них (de manibus eorum) души всех тех, кого они могли бы спасти».

Наш христианский судья, выслушав послание, послал к нам с просьбой итти к тому народу. Нам же, несмотря на большое желание, весьма сильно препятствовала болезнь, схваченная в сказанной тюрьме, и мы никак не могли [сделать этого], а вынуждены были либо вернуться к братьям, либо остаться на месте.

После этого вышереченные господа баскардов, придя ко двору императора, настойчиво просили братьев, но, по малочисленности, мы ни одного не могли дать им, не губя тех, среди которых жили. Ибо мало нас для соблюдения [всех] мест и некоторые мы упустили, но Христос вдохновит вас, отец, и римскую церковь для исправления такого недостатка. И пусть знают братья, что это совершенная правда и пусть предпримут что-либо ради Христа, особенно те, кто выделяются превосходными знаниями, мало как будто помогающими им в их странах: тут они были бы тем более выдающимися и полезными, чем высшей отличаются ученостью. Поэтому, пусть рассудят, что нужно сделать, чтобы их книжная мудрость, добытая столькими трудами и

бдениями, не оставалась дома, прямо сказать, как бы погребенной, тогда как здесь, то есть у нас, она была бы, как горящий светильник.

Дано в татарском лагере близ Баскардии в год господень 1320.